

АНТИЧНЫЙ ДОМ В ХЕРСОНЕСЕ

(По раскопкам 1947—1948 гг.)

Археологические раскопки в Херсонесе систематически ведутся в северном прибрежном районе уже с 1931 г. и дали здесь весьма ценные результаты. Достаточно сказать, что на северном берегу был открыт некрополь V—IV вв. до н. э., имеющий важное значение для изучения истории возникновения Херсонеса. Здесь же в нескольких кварталах были открыты эллинистические дома. Это позволяет установить планировку города, размеры кварталов, направление улиц, величину домов и их план. В некоторых случаях удается довольно точно определить составные части дома.

Один такой дом с инвентарем был раскопан в 1947—1948 гг. Строительные остатки эллинистического периода на этом участке отличаются своеобразием планировки. Внутренние стены здания по отношению к направлению улиц расположены здесь диагонально. Сохранились лишь некоторые из стен, но к продольной улице они примыкают вплотную и находятся в связи со стеной, идущей вдоль улицы под тупым и острым углами. К сожалению, плохая сохранность стен не позволяет восстановить полностью необычный план этого здания и установить его назначение. Лишь об одном помещении, находящемся рядом с улицей, можно сказать, что оно было хозяйственным и служило кладовой. В углу этого помещения находится грушевидной формы цистерна, вырубленная в скале, оштукатуренная, глубиной около 3 м. В насыпи, заполнявшей помещение и цистерну, оказалась масса обломков керамики, из которых собрано и реставрировано большое количество разнообразных сосудов. Здесь имеются амфоры различных мест происхождения: херсонесские, синопские, фассосские, родосские, гераклейские. Найдены массивные лутерия и блюда больших размеров, с широкими носиками. Кухонная посуда представлена горшками, мисками и сковородками. Следует отметить, что среди этой группы имеются сосуды лешной работы, следовательно, местного производства.

Большую группу составляют кувшины одноручные; характерной их особенностью является плоское дно — отсутствие кольцевой подставки. Серию чернолаковой посуды составляют: рыбные блюда, с углублением в середине, тарелки и миски, украшенные пальметками и кольцами из насечек, маленькие блюда («солонки»), канфары с накладным орнаментом, «мегарские» чашки и др. Здесь, кроме того, найдены: маленький глиняный жертвенник с посвячительной надписью Гераклу, терракотовые протомы и миниатюрная статуэтка обнаженной женщины.

В насыпи, заполнявшей помещение эллинистического периода, найден ряд монет. Несколько штук относится к IV в. до н. э., из них одна ольвийская, одна пантикалейская, две херсонесские. Было также найдено девять монет херсонесской чеканки III—II вв. до н. э. В целом как строительные остатки, так и вещественный материал в соответствии с монетами следует отнести к эллинистическому времени, концу IV — концу II вв. до н. э.

Между моментом гибели эллинистического дома и началом возведения новых зданий прошло значительное время. По нашим наблюдениям этот промежуток длился около столетия, если не более.

В квартале раскопок 1947—1948 гг. в первых веках нашей эры находилось большое здание с винодельней. Оно занимает южную часть квартала, выходя на улицу продольную и Х поперечную. Длина его по продольной улице свыше 12 м, по поперечной — около 20 м. Стены здания в плане совпали с линией эллинистического дома только по Х поперечной улице, по продольной же улице произошло смещение стен — стена винодельни отступила от улицы на 0,5 м внутрь квартала. Кроме того, планировка стен нового здания соответствует направлению улиц, в то время как внутренние стены эллинистических помещений имели диагональное направление.

Стены винодельни везде покоятся на материковой скале и отличаются монументальностью, их толщина около 1 м, а кладка состоит из довольно крупных камней, большей частью обработанных; связующим раствором служит глина. На углах здания имеются плиты, размерами до 1,0 × 0,60 м. Здание состоит из ряда больших помещений. Юго-восточную его часть занимала винодельня. Рядом с нею, возле поперечной улицы, расположен был склад с большим количеством пифосов для хранения вина. Далее к северо-западу находился большой двор. За ним расположен подвал. План здания имеет законченный вид, однако в нижней его части нет жилых помещений, которые непременно должны были быть: невозможно представить, чтобы такое огромное здание, с винодельней и винным складом, не имело помещений для жилья. Повидимому, жилые помещения находились во втором этаже, например, над подвалом, вырубленным в скале, над винодельней и винным складом. Монументальные стены здания были достаточно прочными для того, чтобы выдержать дополнительную нагрузку второго этажа. Общей монументальности здания вполне соответствуют размеры помещений — все они отличаются большой величиной. Подвалы таких огромных размеров редко встречаются в Херсонесе. По сравнению же с эллинистическими подвалами он превосходит их в два-три раза.

Особенно характерным является двор. Он и велик и благоустроен. В нем находятся колодец для ключевой воды и цистерна для питьевой. Кроме того, второй колодец расположен непосредственно возле винодельни. Наличие двух колодцев и цистерны свидетельствует о большом масштабе хозяйства, связанного с значительным потреблением воды и с необходимостью иметь ее в запасе. Глубина обоих колодцев до уровня ключевой грунтовой воды — около 6 м. Форма их цилиндрическая, диаметр — около 1 м. Стены неровные.

Цистерна устроена во дворе, рядом с колодцем. Ее глубина около 3 м, диаметр сверху — 0,60 × 0,70, внизу — около 2,5 м. Стены цистерны тщательно оштукатурены раствором, состоящим из смеси извести, песка и небольшого количества толченой керамики. Форма цистерны грушевидная: сверху она цилиндрическая, на глубине свыше 1 м начинается слабое расширение, наиболее широкая же ее часть находится на глубине свыше 2,5 м.

Двор вымощен каменными плитами, причем вымостка поражает своей монументальностью. Плиты — больших размеров, правильной прямоугольной формы и плотно приложены друг к другу (рис. 1). С северо-западной стороны край вымостки сохранился в целости. Здесь имеется трехступенчатый уступ: непосредственно на материке лежит ряд толстых плит, толщиной 0,20 м; на нем, отступя на 0,50 м, лежат плиты второго ряда, толщиной также 0,20 м, плиты третьего, верхнего, ряда находятся от края на 0,52 м, толщина их небольшая — 0,06—0,10 м. Если толстые плиты нижних рядов изготовлены из известняка сарматского яруса, то тонкие плиты верхнего ряда сделаны из другого материала — красноватого крепкого известнякового плитняка. С северо-восточной стороны на вымостке видны явные следы разрушения. Между вымосткой и юго-западной стеной имеется правильной формы выемка, обложенная с юго-восточной и северо-западной сторон плитами. Размеры выемки: длина 1,57 м, ширина 1,05 м, глубина 0,55 м. Выемка находится непосредственно возле лестницы, ведущей в подвал. Назначение ее неясно, возможно, что она была устроена позднее, в IX—X вв., о чем можно судить по содержанию заполнявшей ее насыпи.

В западном углу двора устроена лестница, ведущая в подвал. Размеры подвала около 4 × 4 м, глубина выруба в скале около 2,80 м. Стены подвала неровные. Местами

сохранились остатки заполнявшей их кладки. Разница между уровнем двора и подвала около 3 м. Сообщение между ними происходило по вырубленной в скале лестнице, которая вела из западного угла двора в южный угол подвала. Ширина лестничного проема около 0,85 м. Семь ступеней верхней части лестницы устроены из небольших плит, некоторые из них выпали и не сохранились. В нижней части ступени вырублены в материке, последней ступенью служила штучная плита, лежавшая на полу подвала (рис. 2).

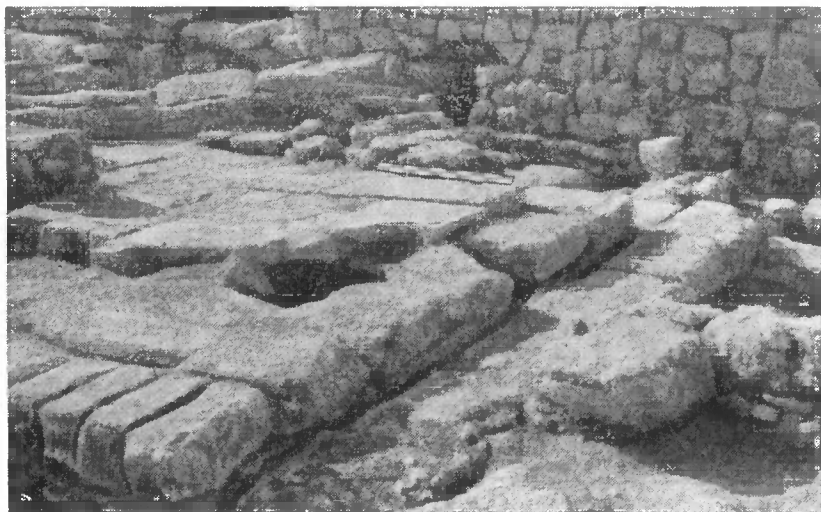

Рис. 1. Вымостка во дворе римского адания, вид с севера

Внутри подвала, возле входа, стоит каменный блок правильной призматической формы, высотой 1,05 м, толщиной сверху $0,32 \times 0,33$ м, внизу $0,30 \times 0,31$ м. Блок установлен на уровне второй ступени лестницы в материке, верхний же его конец укреплен под выступом скалы, с значительным наклоном внутрь подвала. В блоке имеется продольное отверстие круглой формы, диаметром 0,12 м. На северо-западной стороне сохранились следы раскраски красного цвета. В отверстии блока были найдены, краснолаковые светильники и большое количество костей домашних птиц — кур и гусей а также и бараньи кости.

Местонахождение блока в подвальном помещении, возле входа, и содержимое его отверстия позволяют считать этот блок жертвенником, посвященным хтоническим (подземным) божествам. Аналогичные случаи нахождения жертвенников в подвальных помещениях в Херсонесе известны, например, по раскопкам 1904 и 1937 гг.¹ Однако найденные прежде жертвенники отличаются от нашего, во-первых, своим видом: они имеют плинтусы внизу и карнизы с угловыми акротериями сверху, они обвиты змеями, головы которых поднимаются над углублением в верхней плоскости жертвенника; во-вторых, тем, что они находились в домах эллинистической эпохи, а наш жертвенник принадлежит дому первых веков нашей эры. Таким образом, вновь найденный жертвенник дает возможность проследить существование культа подземных божеств в Херсонесе и в римский период, вплоть до IV—V вв. н. э.

В насыпи, заполнявшей здание винодельни, найдено огромное количество предметов. Особенно много вещей содержала насыпь колодца, цистерны и подвала. При этом ценным является то обстоятельство, что насыпь в этих местах не была ни перекопана, ни потревожена в последующее время. Поэтому здесь нет каких-либо случайных пред-

¹ ИАК, вып. XX, стр. 22, рис. 6.

метов, относящихся к иному времени. Вторым важным обстоятельством является обилие и разнообразие материала. В нем представлены и многие формы керамики, различные по технике и назначению, и большое количество стеклянной посуды, терракоты и светильники, орудия труда, масса монет. В целом инвентарь дома дает возможность познакомиться с хозяйством и бытом населения и позволяет датировать предметы в соответствии с монетами, которых здесь найдено очень много.

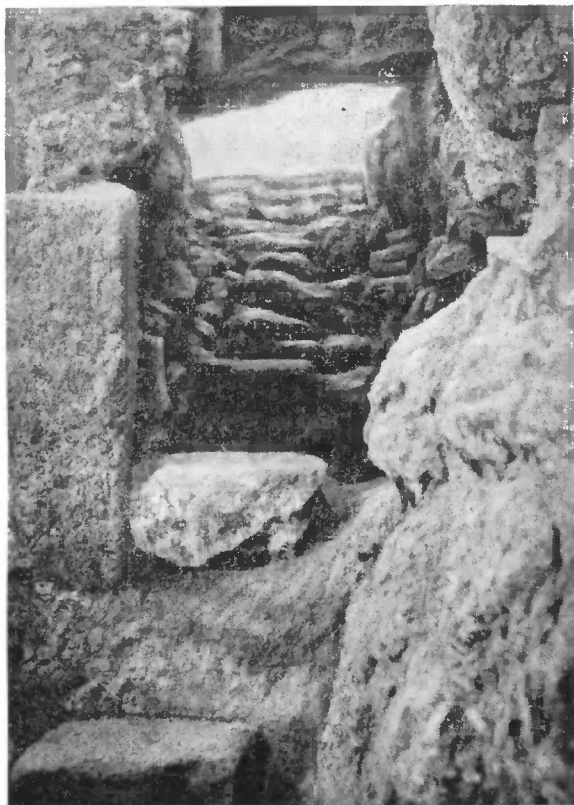

Рис. 2. Лестница в подвале, слева — жертвенник

Наиболее многочисленная группа предметов — керамика. Ее, в свою очередь, можно подразделить на несколько видов, отличающихся по форме, технике и назначению. Самыми крупными сосудами являются пифосы. В целом виде они не сохранились. Пифосы отличаются большими размерами и массивностью, стенки их толстые и тяжелые, форма яйцевидная. Стояли они в помещениях возле виноделен: в материке там вырублены круглые ямы, расположенные правильными рядами, в некоторых ямах пифосы стояли на месте. Это был винный склад — в пифосах хранилось вино.

Амфоры различны по форме. Наиболее ранние из них, найденные в колоде и датируемые I—II вв. н. э., отличаются очень высоким узким цилиндрическим горлом и соответственно длинными ручками, и с небольшим, конической формы корпусом из желтовато-серой глины.

Другой вид, относящийся к тому же времени, — это амфоры с узким коническим невысоким горлом и с коническим же корпусом. На таких амфорах обычно имеются надписи, исполненные красной краской на горле или на плечиках. Кроме того, имеются амфоры с широким цилиндрическим горлом и желобчатыми ручками, массивные, из красной глины; амфоры с широким коническим горлом, с короткими дуговидными ручками,

с желобками на горле и тулове; амфоры с воронкообразным коротким горлом из зеленоватой глины. Эти виды датируются III—IV вв. н. э. Вместе с ними в насыпи подвала найдены в большом количестве монеты III—IV вв.

Третья группа керамики — кувшины. Обычная их форма — невысокое горло с отогнутым или рельефным венчиком, плавно переходящее в покатые плечики, тулово значительно расширяется ниже своей середины и слегка суживается внизу, плоское дно имеет кольцевую подставку, ручка чаще бывает одна, реже — две, глина красная, лак красный или красно-коричневый. Своеобразной формой отличается кувшин, найденный в первом колодце, высотой 0,20 м, диаметром 1,17 м (рис. 3). У него плоское

Рис. 3. Кувшин из колодца

дно, широкое приземистое тулово, низкое узкое горло и плоская широкая ручка. На горле несколько желобков, на плечиках — орнамент в виде мягких волн, состоящих из тонких линий, образующих два ряда, на ручке — мелкие желобки.

Четвертая группа — кухонная посуда, распадающаяся на несколько видов. Большой процент ее составляют лепные сосуды, исполненные из темносерой грубой глины. По форме преобладают низкие широкие миски. Имеются также и горшки, сделанные на гончарном круге, сферической формы, с плоским дном, с плоской или круглой в сечении ручкой. Следующий распространенный вид — низкие широкие сковородки, различного диаметра, с слегка отогнутым краем, иногда с витой втулкой, в которую вставлялась деревянная ручка.

Пятая группа — это краснолаковая посуда. Эта посуда употреблялась для еды и питья. По форме она весьма разнообразна. Наиболее крупные сосуды — блюда, они широкие, но невысокие, на кольцевой подставке, с полого наклонными стенками и горизонтально отогнутым венчиком (рис. 4). Миски отличаются меньшими размерами и имеют вертикальный венчик или слегка загнутый внутрь край, относительно большую, по сравнению с блюдами, высоту и кольцевую подставку.

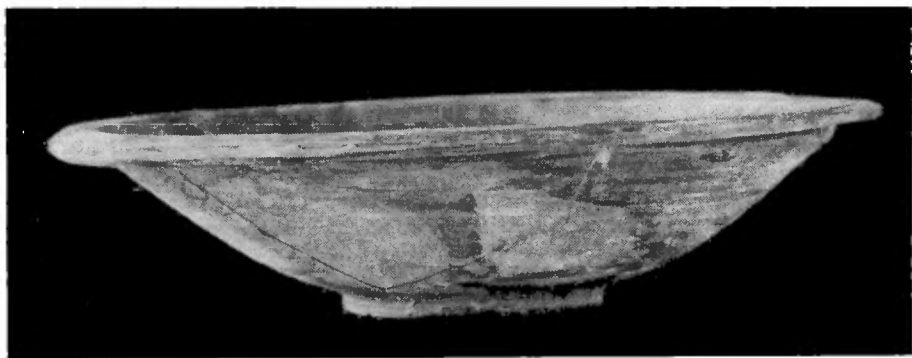

Рис. 4. Блюдо из цистерны

Рис. 5. Краснолаковая миска из колодца

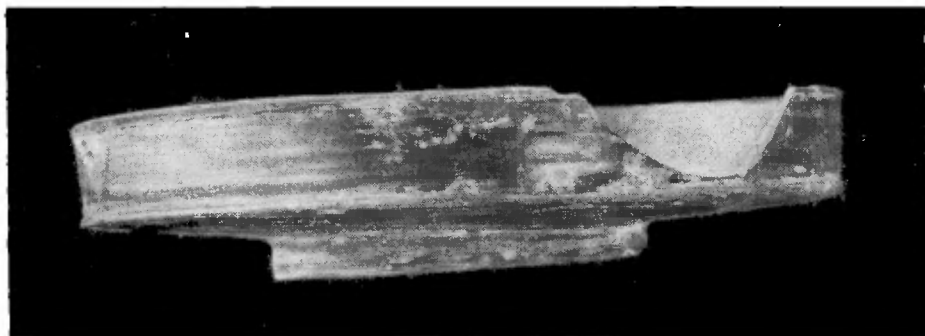

Рис. 6. Краснолаковая тарелка из колодца

иногда же без подставки, дно плоское (рис. 5). Краснолаковые тарелки бывают нескольких видов: с вертикальными стенками на кольцевой подставке (рис. 6), с округло отогнутыми стенками, с плоским дном, без подставки, или подобные же тарелки, но с низкой кольцевой подставкой. Краснолаковые чашки конической формы — наиболее распространенный вид, они количественно преобладают над другими формами. На дне этих чашек всегда имеется небольшая кольцевая подставка. Снаружи стенки украшены на венчике вдавленными поясками (рис. 7) или рельефными поясками с поперечными насечками. На некоторых чашках встречаются одновременно и тот и другой пояски. Орнамент в виде вдавленных концентрических колец встречается и на внутренней поверхности как чашек, так и тарелок. На многих чашках

Рис. 7. Краснолаковая чашка из колодца

и тарелках имеются клейма различного вида: звездочка, кружок с рельефными точками, ступня, имя владельца мастерской. При этом как звездочка, так и ступня не одинаковы по величине и форме.

Большую группу керамики составляют светильники, найденные в колоде, в цистерне и в подвале. Некоторые из них относятся к I в. н. э.: у них длинный носик с волутами, например, светильник с изображением бегущей влево собачки (рис. 8, слева). Однако значительная часть светильников имеет короткий сердцевидный носик, кольцеобразную ручку, покатые плечики, какое-либо рельефное изображение на щитке: вазу с высокой крышкой, крылатого обнаженного Эроса, детскую фигурку в плаще с гусем и др. Эти светильники принадлежат II—III вв. н. э. К тому же времени относятся подобные же светильники, но с гладким щитком. Одновременно им найденные в большом количестве светильники, украшенные на плечиках расположенными паиском рубчиками и бороздками. На одном из них на щитке возле ручки имеется рельефная надпись, отпечатавшаяся в форме вместе со щитком и читаемая справа налево YCH. На другом светильнике изображена сцена боя двух воинов или гладиаторов, а на дне помещена отпечатавшаяся надпись EYTYXHC.

В нижнем слое подвала найдено более дюжины светильников, отличающихся своим примитивным видом. Небольшие размеры, отсутствие изображений и орнамента, выступ вместо ручки, грубая работа, слабый обжиг — все это датирует данную группу светильников III—IV вв. н. э. В отверстии жертвенника вместе с краснолаковыми светильниками оказался открытый светильник-плоска, треугольной формы, вылепленный от руки и сильно закопченный. Особый вид светильников составляют найденные

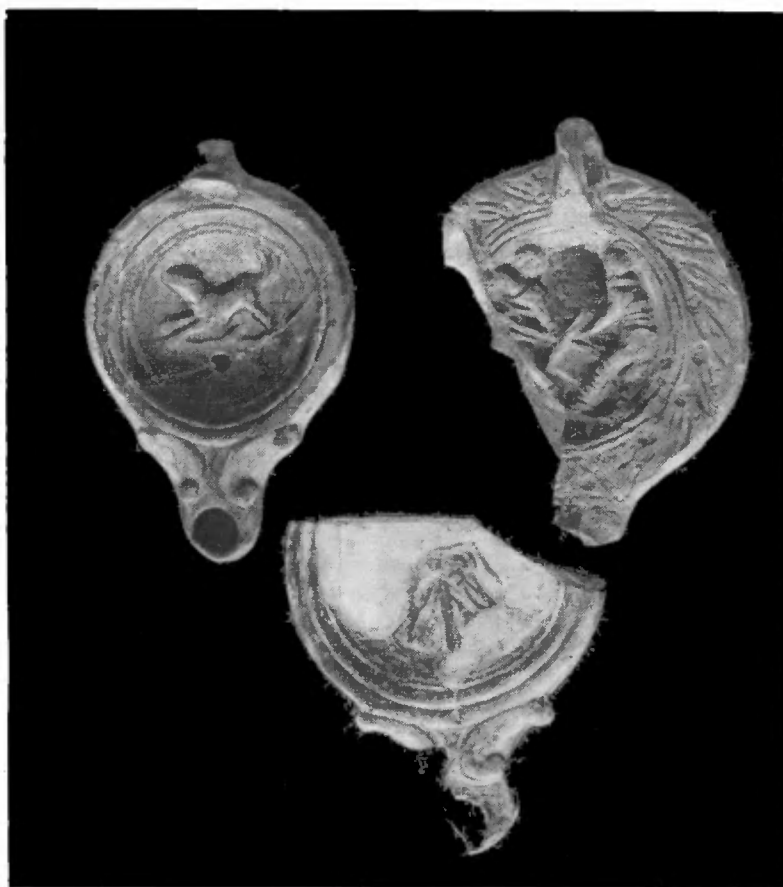

Рис. 8. Свечи́льники из колодца и цистерны

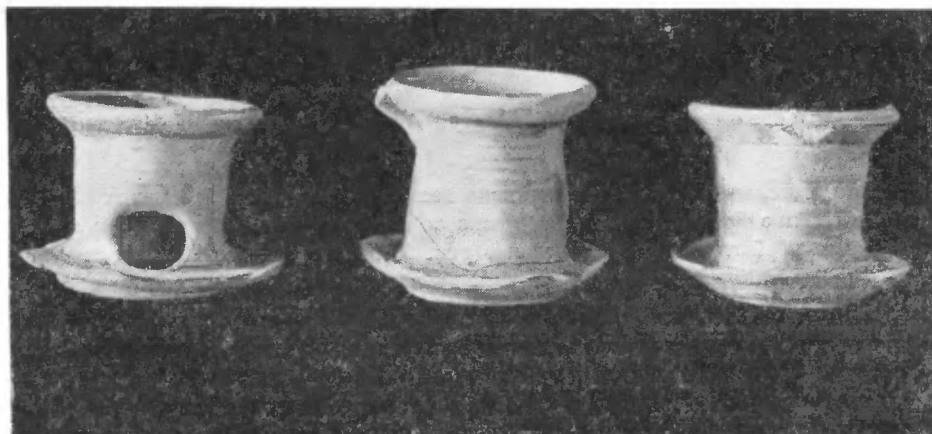

Рис. 9. Свечи́льники-плошки, найденные в цистерне

в цистерне три плошки, имеющие в центре цилиндрический резервуар, сообщающийся через боковое отверстие внизу с широкой чашей (рис. 9, края обломаны), и дуговидную ручку, прикрепленную к венчику резервуара и к краю чаши (от ручек сохранились лишь остатки на стенках).

На многих донышках краснолаковых тарелок и чашек на нижней внешней стороне, вырезаны граффити, надписи, означающие большей частью имя владельца сосуда. Имена Даиск и Зет начертаны полностью, но чаще встречаются лишь начальные буквы имени: АРП..., ХРН..., АГЕПО... Некоторые имена повторяются несколько раз. Из херсонесской эпиграфики известны имена Зета, Аристана, Агеполиса, относящиеся к I—II вв. н. э.¹ Так как имена на посуде и на эпиграфических памятниках совпадают по времени, то вполне вероятно их отождествление. Владельцы большого дома и значительного по масштабам выподельческого предприятия могли занимать в городе важные государственные должности.

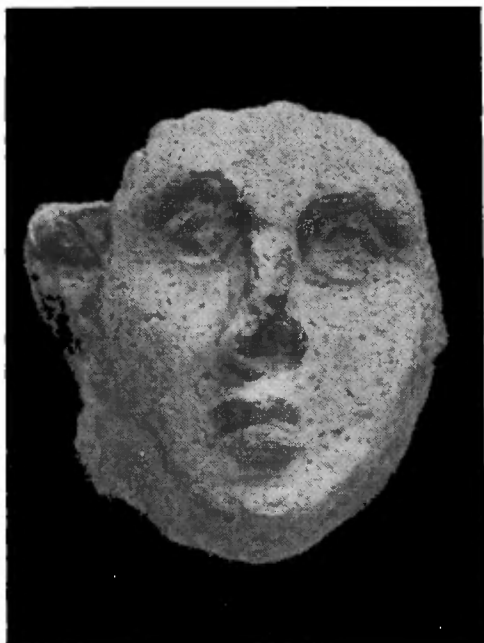

Рис. 10. Терракотовая маска, найденная в колодце

Рис. 11. Терракотовая статуэтка, найденная в колодце

В насыпи колодца и цистерны найдено несколько терракот. Среди них обращает на себя внимание большая массивная маска со строгими чертами лица, выполненная из местной грубой глины красного цвета (рис. 10). Интересен также торс статуэтки, одетой в подпоясанный хитон с короткими рукавами, с глубоким вырезом на груди, с опирающейся на бедро левой рукой (правая рука и голова не сохранились). Судя по законченности низа торса и по отверстиям на боках внизу, статуэтка имела подвижные ноги и являлась куклой-игрушкой (рис. 11).

В колодце и цистерне оказалось также очень много обломков стеклянной посуды. Формы ее разнообразны: чашки конической формы, тарелки с вертикальным краем, те и другие аналогичны по форме краснолаковой посуде; сосуды с прямоугольным дном, призматической формы; чашки цилиндрического вида, бальзамарии с узким высоким

¹ IOSPE, I², 347, 359, 363, 423 и др.

горлом, шаровидные флаконы с коротким горлом, бокалы с плоской или кольцевой подставкой и др. Некоторые сосуды украшены тонкими рельефными или врезаемыми горизонтальными линиями, другие украшены массивными вертикальными ребрами. Подавляющее количество посуды изготовлено из прозрачного, слегка зеленоватого стекла, лишь несколько обломков имеют темносиний цвет, один же инкрустирован полосками желтого цвета.

Во дворе дома найдены два миниатюрных флакона с коническим туловом, цилиндрическим горлом с горизонтально отогнутым венчиком и вертикальной ручкой (рис. 12). Тулово одного из них украшено спиральной узкой линией светлозеленого цвета, инкрустированной в темносинюю массу флакона. Другой флакон украшен иначе: нижняя часть тулова украшена горизонтальными поясками, верхняя — частыми высокими зигзагами, горло — тремя поясками, орнамент на этом флаконе светлоголубого цвета, основная же масса сосуда темносинего цвета. Вместительность у обоих флаконов очень узкая и маленькая, стенки же массивные. Флаконы употреблялись, вероятно, для хранения драгоценных благовоний.

Рис. 12. Стекланные флаконы, найденные во дворе

Из орудий труда и предметов быта найдены: бронзовая спица с вилками на обоих концах (употреблялась для вязания рыболовных сетей); глиняные грузила пирамидальной формы, на одном вырезано граффити; известняковый верхний жернов; часть верхнего жернова из красного гранита, с глубокой конической выемкой и отверстием в середине; оселки из серого камня, один с отверстием на конце; каменный якорь в виде гири с отверстием для каната; ступа каменная, четырехугольная; пращевой камень скифского образца, кубической формы, но с закругленными углами; несколько выпуклых мраморных кругов, служивших для растирания красок (?); мраморный пестик и часть мраморной ступки; глиняные пряслица биконической формы; два бронзовых ключа хорошей сохранности, один из них с кольцом для ношения на пальце; бронзовые

пряжки; бронзовая цепь с тремя концами для подвешивания люстры. На трех обломках мраморных плиток сохранилось по несколько букв греческих надписей, но остатки их так ничтожны, что не дают возможности истолкования.

Весьма показателен для определения времени существования римского здания нумизматический материал. Многочисленные монеты, в нем найденные, не позже IV в. н. э. По отдельным помещениям они распределяются следующим образом. В колодце — одна монета, относящаяся к концу II — середине I вв. до н. э. Поскольку другого материала эллинистической эпохи в колодце не оказалось, то эту монету следует считать попавшей в колодец случайно. Найденные в цистерне три монеты принадлежат времени херсонесской эвентерии (середина II — середина III вв. н. э.) и вполне соответствуют остальному материалу, в ней найденному. В подвале было найдено много бронзовых монет, из которых удалось определить 72 монеты. По времени происхождения они распределяются следующим образом: две монеты херсонесской чеканки принадлежат IV в. до н. э., одна монета — II в. до н. э. и одна, ольвийская, — I в. до н. э. Эти четыре монеты, как и несколько чернолаковых черепков, повидимому, можно считать случайными, не связанными с существованием подвала. Далее монеты идут в таком порядке: одна I в. н. э., три херсонесские монеты периода эвентерии, две боспорские монеты III в. Прочие монеты — римских императоров IV в. Большая часть монет около 50 — принадлежит именно середине IV в. Эта группа, повидимому, определяет время существования подвала, а вместе с ним и всего здания. Можно полагать, что первый период существования подвала заканчивается во второй половине IV в., может быть, даже в третьей четверти IV века. На эту дату указывает то обстоятельство, что на последнюю четверть IV в. приходится лишь единичные монеты. Важно отметить, что в насыпи на лестнице найдены две монеты Феодосия I, следовательно, в конце IV в. н. э. лестницей уже не пользовались, проем ее был засыпан землей.

С конца IV — начала V в. наступает следующий период существования подвала. На полу найдено 26 монет, большинство которых принадлежит V в. и лишь две относятся к первой половине VI в. Монеты, найденные в других помещениях описываемого здания (во дворе, в винном складе и в собственно винодельне), дают ту же самую картину. Таким образом, можно считать прочно установленным, что конец существования винодельни приходится на вторую половину IV в.

Резервуары винодельни и ее цементная площадка позже были использованы для установки пифосов: в давяльной площадке и на две резервуаров были вырублены ямы, а в крайних стенках углубления, с целью расширить их настолько, чтобы могли вместиться пифосы. Винодельня, в результате ее перестройки, была превращена в склад пифосов, в которых хранилось уже не вино, а соленая рыба. На последнее указывает то обстоятельство, что нижние части пифосов скреплены свинцовыми скобами. Бывшая винодельня во второй раз была использована, как и подвал, до середины VI в. Последние монеты в насыпи винодельни относятся ко времени императоров Зенона, Анастасия, Юстиниана I и Юстиниана I.

На полу подвала, вместе с монетами V — середины VI вв., лежали в большом количестве разбитые амфоры с коротким, узким или широким горлом, желобчатыми ручками и с желобками на горле и тулове. Вместе с амфорами на полу находились черепицы и ступа (рис. 13). Здесь же найдены многочисленные костяные предметы: круглая проколка, украшенная поперечными вырезками; ручка из бараньей кости с гравированным орнаментом; прямоугольная гладкая пластина с двумя дырочками, повидимому, створка диптиха; круглая палочка с мелким гравированным орнаментом, с отверстием на конце для прикрепления к ней колокольчика или побрякушки, о чем можно судить по имеющимся образцам в музее; бронзовые пряжки; масса железных гвоздей и пр.

В насыпи винодельни найдены были обломки двух амфор, которые удалось собрать и полностью реставрировать. Одна из них — из светлозеленой глины, с очень длинным, конической формы, туловом, сильно расшпирюющимся кверху, с коротким узким горлом и небольшими желобчатыми ручками (рис. 14). Поверхность ее гладкая, без желобков. Эта амфора лежала в яме, выбитой на цементной площадке в период повторного использования помещения винодельни. Другая амфора — из оранжевой глины,

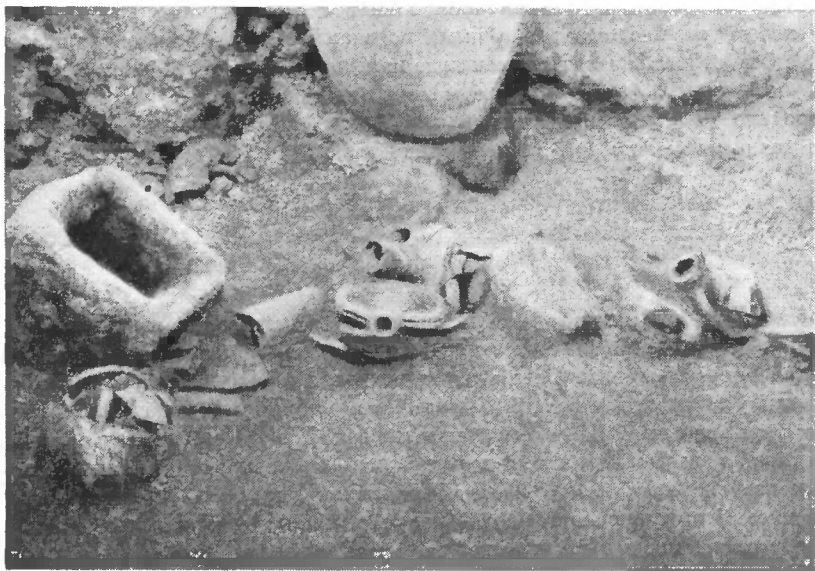

Рис. 13. Ступа и амфоры на полу в подвале

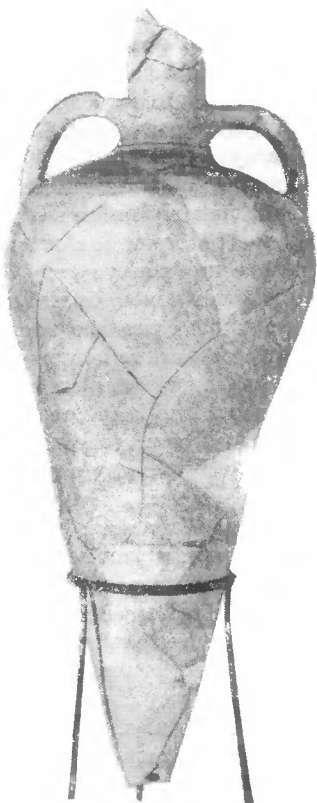

Рис. 14. Амфора, найденная в винодельне

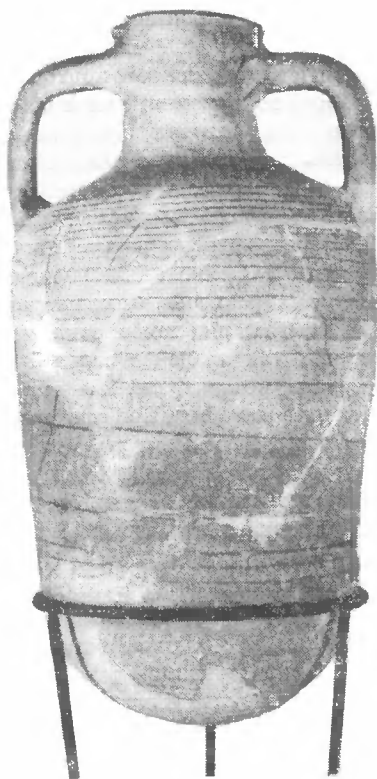

Рис. 15. Амфора, найденная в винодельне

с коротким горлом с отогнутым венчиком, с желобчатыми ручками и почти цилиндрическим туловом, украшенным рельефными поясками и слабо вдавленными желобками (рис. 15). Эта амфора в раздавленном виде находилась в верхней части насыпи, заполнявшей резервуары. Самые поздние монеты, здесь найденные, принадлежат концу V — середине VI в. (Зенон и Юстиниан). Таким образом, описанные амфоры тоже следует датировать периодом раннего средневековья.

* * *

Наблюдения, производившиеся в течение двадцатилетних раскопок над строительными наслоениями различных периодов, позволяют прийти к некоторым выводам, касающимся истории города в целом на протяжении многих веков его существования. Так, можно утверждать, что начало правильной планировки города восходит к эллинистическому времени. Основные магистрали, большие улицы, продольные и поперечные, были проложены в начальный период жизни города и сохранили свое направление во все последующие этапы его существования, вплоть до XIII—XIV вв. Однако в ряде случаев имеется отступление от первоначального плана: например, происходит укрупнение кварталов в первых веках нашей эры, вследствие чего некоторые улицы эллинистической эпохи оказываются застроенными. Стены последующих строительных периодов воздвигались большей частью на фундаментах зданий предшествующего времени, но имеется иногда и смещение или несовпадение верхних стен с нижними. Подобное смещение стен имеется, например, в раскопе 1947 г., в зданиях, выходящих на продольную улицу. Однако характерно, что в отношении большинства колодцев сохранялась преемственность в течение длительного времени, ими продолжали пользоваться и в последующие эпохи, для чего приходилось наращивать кладку колодцев и поднимать вымостки двора вокруг них по мере накопления толщи культурного слоя. Как исключение, встречаются колодцы, засыпанные в эллинистическую эпоху.

Масштабы сооружений в римский период по сравнению с эллинистическими домами были иными — здания достигали огромных размеров, поэтому они не всегда могли вписаться в пределах эллинистических кварталов. В III—II вв. до н. э. в описываемом районе были расположены жилые дома, принадлежавшие по преимуществу средним слоям населения. В римский же период здесь, помимо жилых домов, были возведены здания крупных размеров, имевшие производственное и общественное назначение. Так, можно назвать ряд домов, заключавших в себе рыбозасолочные цистерны и кладовые пифосов для хранения соленой рыбы; две винодельни с винными складами; большое здание, которое, как можно предполагать, представляло собой термы, и др.

Длительные раскопки, производившиеся на значительном пространстве северного берега Херсонеса, дают возможность выяснить последовательную смену ряда периодов в истории города. При этом удается установить те критические моменты, которые являются границами, разделяющими основные периоды в жизни Херсонеса. Путем многолетних наблюдений теперь выяснены важнейшие из этих критических моментов.

Первым из них является конец II в. до н. э. или рубеж II—I вв. до н. э. Разнообразный материал, находимый в эллинистических помещениях, датируется всегда III—II вв. до н. э. и не заходит позднее конца II — начала I в. до н. э. Дата эта прочно устанавливается как керамическими находками, так и монетами. В насыпи помещений и, что особенно важно, в насыпи подвалов и цистерн совершенно отсутствуют, например, стеклянная посуда, краснолаковая керамика и монеты I в. до н. э. или, тем более, первых веков нашей эры. Наиболее характерными предметами, находимыми в этом слое, являются обломки амфор, как херсонесских, так и привозных, относящихся по преимуществу к III—II вв. до н. э. В изобилии встречается здесь чернолаковая посуда в разнообразных формах. В большей своей части посуда эта отличается тусклым или матовым лаком. Среди нее имеются предметы местного производства. Большое количество таких обломков и отбросов неудачного изготовления было найдено в 1900 г. при

раскопках гончарной мастерской воле 19-й куртины оборонительной стены¹. К группе чернолаковой керамики надо отнести также посуду с накладным и процарапанным орнаментом и так называемые мегарские чашки. Весь этот керамический материал сопровождается находками монет, большей частью херсонесских, относящихся ко второй половине IV в. и более всего к III—II вв. до н. э. Наиболее поздними монетами являются монеты митридатовой эпохи, датируемые концом II—началом I вв. до н. э.

На рубеже II—I вв. Херсонес переживает какое-то большое бедствие. Археологические исследования со всей очевидностью указывают на разрушение большей части города, в результате которого прекратили свое существование дома эллинистической эпохи, а остатки их были засыпаны мусорной насыпью. Какова причина этого разрушения: стихийное ли это бедствие в виде землетрясения, пожара, или нападение неприятеля? Вероятнее всего последнее. Конец II в. до н. э. в истории Крыма, как известно, был временем скифских войн. Скифская держава достигла во II в. своего наибольшего могущества и успешно вела наступление на греческие города Северного Причерноморья в целях овладения морскими портами и развития собственной торговли без посредничества греческих торговцев, с одной стороны, и освобождения массы скифского населения от зависимости и угнетения ее греческими государствами, — с другой.

Письменные источники — литературные и эпиграфические — достаточно ясно освещают этот период в истории Крыма. В частности, о Херсонесе известно, что город подвергался нападению скифов; возможно, что население его укрывалось на Херсонесском мысу за двумя крепостными стенами, об осаде которых рассказывает Страбон. Вполне вероятно, что именно в этот период Херсонес и был сильно разрушен неприятелем — скифами. Следы разрушения можно наблюдать при раскопках на очень широкой территории — в целом ряде кварталов приморского района. Они обнаружены также при раскопках старых лет и в других районах города. Одновременное разрушение зданий на большом пространстве подтверждается как одинаковым характером насыпи и материала, так и тем обстоятельством, что новое строительство велось также одновременно на всем этом пространстве. Значительные разрушения давали возможность планировать новое строительство совершенно по-иному. Так, например, на участках раскопок 1936—1937 гг. в эллинистическую эпоху находились три квартала, разделенные продольной и поперечной улицами. В первых же веках нашей эры эти улицы оказались застроенными, и из трех кварталов образовался только один, в котором были расположены здания огромных размеров. Подобные изменения наблюдаются и в соседних кварталах. Повсюду дома разрушены, уцелели от них лишь нижние части стен и фундаменты, кладка стен местами оказывается выбранной до материка, цистерны же, а иногда и колодцы, были засыпаны до самого верха.

Таким образом, при раскопках мы видим, с одной стороны, картину полного разрушения жилых кварталов и, с другой, — картину нового строительства, часто не считавшегося с остатками зданий предыдущего периода, засыпанных толстым слоем земли и строительного мусора. Если бы смена зданий происходила постепенно и частично, то во многих случаях была бы налицо преемственность в плане и в масштабе домов, и наоборот, отсутствовали бы внутри их толстая насыпь, строительные отходы и масса бытовых и хозяйственных предметов. Последнее, действительно, наблюдается в тех домах и в те эпохи, когда один период мирно переходил в другой, не сопровождаясь потрясениями.

Промежуточным периодом, отделяющим античность от средневековья, являются V—VI вв.: в технике, в хозяйстве, в материальной культуре населения в это время выступают новые черты, достигающие наибольшей выразительности к IX—X вв.

Г. Д. Белов

¹ ИАК, II, стр. 18—23, 38—39, табл. 1, 3.